

Свободные от М. и Н. 1959 - N I - с. 159-162

К 200-летию со дня рождения
Роберта Бернса

Пускай из страха мужество родится,
И вера освещает ваши лица.
И знание, что готовность умереть
Нам даст свободу нынче или впредь.

Да, только так дается нам Свобода.
Когда вершат судьбу свою народы,
Что значит жизнь твоя? Она в расцвет
Идти не может, да и не идет.
Грудь распахнув, — опасности навстречу!
Пусть мы падем под вражеской картечью,
Но вспыхнет Обновления звезда
Над этим старым миром навсегда.

Омск, 25 октября 1917 г.

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Пока в сердцах хотя бы тлеет пламя
И светлое Грядущее зовет, —
Внесите выше огненное знамя,
Вперед, мадьяры красные, вперед!

Да, дешево свобода не дается.
Ее цена — пролившаяся кровь.
Но трусу лишь презренье достается,
Герою же — народная любовь.

Пути назад, к сомнениям, отрежьте —
В бой против псов-господ и нищеты!
И в красном победившем Будапеште
Вас встретят вновь объятые и цветы.

А я останусь здесь, в глухой могиле.
Но будет сердце с вами вечно жить.
Его огонь ничто не угасило,
Его и смерть бессильна угасить.

И пусть в последней битве за свободу
Сердца всех павших светят вам во мгле,
Всех, кто погиб, но в памяти народа
Обрел свое бессмертье на земле.

Омск, лето 1919 г.

Перевод с венгерского Л. Решетишкова

НА РОДИНЕ ВЕЛИКОГО ШОТЛАНДЦА

Мягкие холмы, широкие корытообразные долины, кое-где одинокие домики фермеров, купы деревьев — небольшие островки былых лесов. Такова средняя и западная часть Шотландии.

Вся земля разделена на маленькие полоски, обнесенные живой изгородью из боярышника высотой до метра. Местами эта изгородь подкреплена колючей проволокой. На одних клетках только что взрошел овес — основная полевая культура зешних мест, на других — кукуруза турнепс или картофель, третьи засажены волнообразные грядки, где походят на пышные зеленые ковры: там растут клевер и тимopheвка. Таких клеток — больше всего. На них пасутся медлительные овцы, напоминаящие сероватые валуны, оставленные исчезающим ледником.

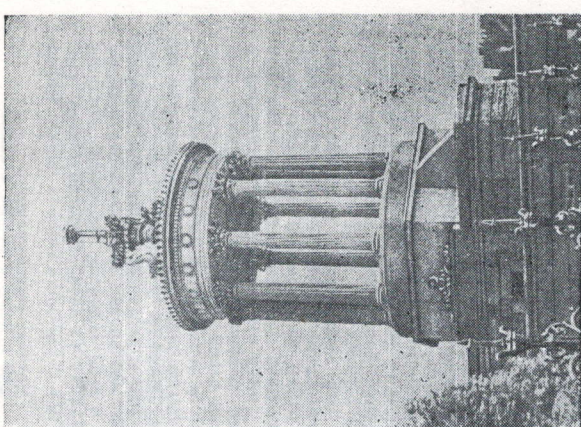
Среди холмов вьется асфальтированное шоссе, в середине разделенное белой полоской. Довольно часто встречаются маленькие города, застроенные преимущественно одноэтажными каменными коттеджами.

Время от времени показываются замки. Большая часть земли принадлежит ленд-лордам, которые сдают ее в аренду мелким фермерам.

Вот вправо от шоссе ответвляется дорога в поля, но табличка строго предупреждает: «Частное владение». Не только поля, дорога принадлежит частному владельцу, — для остальных проезда нет. Где-то недалеко — поместье. Я видел английскую землю в лучшую пору года: все зеленело и цвело. Воздух в полях был чистый и приятный.

Из Эдинбурга в Глазго ведет прямое шоссе. Там всего лишь сорок миль. Но мы предпочли дальнюю окружную дорогу, чтобы посмотреть знаменитые Шотландские озера, и наш спидометр насчитал 200 миль. Это было интересное путешествие. Дорога вела все выше и выше в горы. Кое-где по сторонам чернели хвойные леса — район, где действовал Роб-Рой. Вон там его могила. Вон там собирались на совет шотландские племена. Вон в той долине развернулось одно из сражений с англичанами. Вот конец римской дороги, — дальше завоеватели не могли пройти. А вот в этом замке бывал Вальтер Скотт... Много примечательных мест на большом шоссе в Шотландских горах.

Высокие скалистые вершины покры-

Манумент
в память Бернса
в г. Аллоуэй.

ты снегом. Ниже на склонах цвел золотистый кустарник. А еще ниже — голубая гладь воды. Целый день цепь озер радовала наш взгляд. С правой стороны дороги она перекинулась на левую. И так до самого западного побережья. День был воскресный. На автомашинах и велосипедах люди спешили в горы. С тяжелыми рюкзаками за спиной шагали пешие туристы. Где им остановиться на привал? Все лучшие полянки на берегах озер обнесены проволоочной изгородью, за которой пасутся овцы. То и дело мелькают таблички: «Частная земля. Не устраивать привалов и пикников». Леса тоже огорожены проволокой.

Рекламный щит пригласает в ресторан, над крышей которого развевается желтый флаг с коричневым львом. Но не у всех есть деньги, чтобы пообедать там. Многие взяли с собой продукты из города. Да и отдых интереснее всего у костра. Кто не стремится приготовить своим близким и себе обед во время воскресной прогулки? Что бы ни сварили — все вкусно: пахнет дымком. Может, свернуть на лужайку, к самому берегу? Нельзя. Лужайка частная! И люди едут дальше.

В озеро впадает горная речушка. Живописное место. Лучшее трудно сыскать. Но и тут все огорожено: для баранов! Даже скалы обнесены колючей проволокой.

Возле моста — малосельный клочок земли. Наконец-то, найдено пристанище!

Нет, уже поздно. — люди приехали сюда еще вчера вечером, поставили две палатки, развели костры, у боючны до-роги велосипедисты сложили свои ма-шины... А больше и места нет.

Дорога оглобает широкое озеро. Сквозь лесные заросли виднеется голубая гладь.

— Отсюда любовалась озером коро-лева, — подчеркивает гид.

А откуда могут полюбоваться про-стые люди? Они мчатся все дальше и дальше между изгородей. Доступа к озе-ру нет!

Но вот показалась узенькая камени-стая лентя возле воды. На толах кам-нях нельзя пастись овец, и участок остав-лен для людей. Там шумно. Стоит не-сколько десятков автомашин. Привезены красивые домики на колесах — зеленые, синие, голубые. На окнах занавески. На крыше железная труба — в холодную погоду можно разжечь печку. Это пе-редвижные дачи. Надоест одно место — перевезут домик на другое. Если не ока-жется клочка свободной земли, придет-ся заплатить какому-то из владельцев или арендаторов, чтобы разрешил по-ставить передвижной домик на несколь-ко дней на берегу озера или горной реки.

Самое длинное озеро — двадцать три с половиной мили. Берега пустынные. Нет ни городов, ни сел, ни санаториев. Все удобные места отведены для овец. Есть лишь один небольшой отель с до-рожным ресторанчиком.

Снежные горы отодвигаются все даль-ше и дальше. Мы уже спускаемся к Ат-лантическому океану. Стало значительно теплее. Склоны гор здесь уже поросли лиственным лесом.

Долина расширяется, озера остаются позади. Автобус вырывается на равни-ну. Перед нами свербырится река Клайд с многочисленными буйками, обозна-чающими фарватер, и высокими кра-нами на одном из берегов. Там — доки Глазго.

Наиболее примечательной из нашего путешествия по Шотландии была поезд-ка к юго-западу от Глазго, на родину Роберта Бернса. Все побережье связано с его именем. Путешественникам пока-зывают маленькие отели, где останавли-вался поэт, и старые таверны, где он проводил часы досуга со своим лучшим другом.

В г. Эйр на площади в окружении цветов стоит бронзовый памятник страстному певцу свободы, мира и друж-бы народов.

Он ходил по этим чужим полям, ко-торые и ныне принадлежат лэнд-лорду, отдыхал под этими старыми деревьями, думал о судьбах своего родного края и слал стихи о простых людях, близких ему. Он пахал эту землю, презирая и не-навдя богачей, сетовал на то, что «де-рева свободы нет», что, выбываясь из сил «на борозде бесплодной», приходит-

дим в нее и... оказываемся в сарае, где хранилось зерно и корм для скота. Все свидетельствует о предельной бедности. Да иначе и не могло быть. Скупые дары земли, обработанной примитивными ору-диями, крестьянин был обязан делить на три части, как говорится в пословице, сложенной в ту пору: «Одну часть по-мещику отдай, другой — поле засе-вать, третью — пожевать».

Из сарая попадаем в примитивный скотный двор. Тут и конюшня, и коров-ник, и овчарня — все вместе. Пять тес-ных стойл. Все из дерева. Все сделано своими руками, вооруженными немудра-щим топором. Для страны, где, в силу суровых климатических условий, живот-новодство составляет основу сельского хозяйства, пять стойл — это очень и очень мало. Бернсы слыли бедняками из бедняков.

Минуя стойла, перешагиваем порог убогого крестьянского жилья. Кухня и комнатка. Очень низкие потолки. Кро-шечные каминчики. Старая прайка, на которой мать поэта пряла пряжу, чтобы одевать семью. Простой столик. Дере-вянное кресло. Почерневшие от дыма стенные часы. Сковорода для выпечки хлеба. Дешевые и ветхие вещи деревен-ского обихода.

На столе — медный подсвечник для самодельной сальной свечи, при свете которой отец учил своих двух сыновей грамоте. Позднее, когда семья перееха-ла отсюда, братья поочередно ходили в школу: их считали за одного ученика, так как у Вильяма Бернса не было де-нег, чтобы платить за двоих сыновей.

По воспоминаниям с этим круглым столом глава семейства вслух читал Библию, единственную книгу в доме. Сейчас она хранится в музее.

В стене глубокая темная ниша. Там кровать, покрытая ветхим одеялом. От-кинута в сторону ситцевая занавесочка... Тут-то и был рожден «беспокойный па-рек — резвый, шустрый Робин».

— Деть, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?
Зато отметил календарь,
Что был такой-то госуляр,
И в щели дома дум январь.
Когда родился Робин.

Ошибка давно исправлена — навес-та да вписан в календарь Роберт Бернс, имя которого стало национальной гордо-стью шотландцев.

И нужен он не только Шотландии — его стихи стали достоянием всего про-грессивного человечества.

Трудной была судьба поэта. «Я в свет пустился без гроша», — писал он в стихо-творении «Был честный фермер мой отец». — Надежды нет, просвета нет, а есть нужда, работа».

Рано потеряв отца, Роберт Бернс, совместно с братом, арендовал малень-кую ферму.

Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это все, что мой отец
Оставил мне в наследство.
Так и живу в нужде, в труде,
Доволен передышкой.

Хотя передышки бывали редки, Бернс не впал «в тоску и меланхолию». Он, как и весь «простой, веселый, честный люд», чувствовал себя «стокар богате-тех, кто «властен и богат», кто стремит-ся «к двойной наживе».

Братья работали на ферме от зари до зари. А бедность не покидала их жилья. Дети росли. Кредиторы угрожали дол-говой тюрьмой. Спас от каземата пер-вый томик стихов Роберта, изданный в Эдинбурге. Читатели были восхищены. Но стихи не принесли достатка. Жить на авторский гонорар было невозможно, как это невозможно в капиталистиче-ских странах и в наши дни.

Любая крестьянская труд. Бернс снова арендовал ферму. Но и на этот раз дол-га, подобно петле, стиснула его шею. Пришлось расстаться с землей. Певец деревенского труда, одним из первых открывший новую страницу в мировой поэзии, был принужден поступить на тяжелую и неблагодарную должность сборщика податей. Каждый день он ви-дел горе и нищету. Тяжкое раздумье и безысходность все чаще и чаще приво-дили поэта в таверну... Подорванное нише-ными сердцем не выдержало. Смерть свела его в могилу в возрасте тридцати семи лет...

По другую сторону зеленого двора — музей поэта. Нас встречает престаре-лый хранитель музейных реликвий, зна-ток и исследователь творчества Берн-са — мистер Мак-Минн. На его голове давно побелели волосы — ему уже 87 лет. Он — сын шахтера. В молодос-ти был наборщиком. Тридцать три года назад старик поселился здесь.

Его трудами и заботами поддержи-вается этот музей, где хранятся книги Бернса, изданные на бесчисленных языках, и многое из того, что написано о нем.

Старик открывает один из больших шкафов, бережно достает книгу, лю-бопытно проводит по ней рукой. Это Бернс в переводе Самуила Маршана.

— Моего лучшего друга, — говорит Мак-Минн и тут же добавляет: — Мар-шан — друг каждого истинного шот-ландца, влюбленного в творчество наше-го поэта.

Это было сказано взволнованно, от всей души. Значение творческого подвиг-а Маршана, по-настоящему донесшего прекрасную поэзию Бернса до русского читателя, трудно переоценить. В Глаз-говском университете преподаватель рус-ского языка и литературы мистер Хол-том говорил нам:

— Я — англичанин. И, знасте, для меня легче читать Бернса в переводах Маршана, чем в оригинале.

То же самое говорила нам одна жур-

наистка в Лондоне. Тем из англичан, кто хорошо знает русский язык, Бернс в переводе Маршана доставляет большое удовольствие. Дело в том, что поэт, сельский житель и первый в стране певец крестьянского труда, писал на шотландском диалекте, сейчас сохранившемся лишь в некоторых отдаленных горных районах севера. На английский он не переведен. А Маршак прекрасно передал на русском языке всю прелесть его поэзии.

Мак-Минн бережно ставит книгу на место, говорит:

— Сейчас мы готовимся к празднованию двухсотлетия со дня рождения поэта. Двадцать пятого января...

В музее — портреты и мраморные бюсты Бернса. Все выполнено любовно, талантливо. Собраны его автографы. Их немного, — для черновиков Бернс предпочитал бумажную грифельную доску. Одно из его стихотворений носит название — «Надпись на бумажных деньгах»:

Будь проклят, скромный листок,
Ты был всегда ко мне жесток...
...Ты обрекаешь честный люд
На голод, рабство, тяжкий труд.

Одну из едких эпиграмм — ответ на оскорбление, нанесенное богатом, — Бернс тут же, в доме развязного хозяина, написал алмазом на оконном стекле. Эта эпиграмма, как и некоторые другие произведения, сохранилась только благодаря памяти поклонников поэта, заучивших ее наизусть. Поэтому-то и нет черновиков многих его стихотворений. Большинство рукописей, в том числе и тех, что были опубликованы лишь после его смерти, давно утеряны.

На одном из стендов — письмо поэта, купленное у какого-то частного лица шесть лет назад за 1500 фунтов стерлингов. Шестьсот фунтов пришлось заплатить за письменный стол, в свое время кем-то украденный.

— Нам стыдно за таких людей, — возмущается одна из посетительниц музея, пожилая дама, соотечественница поэта. — Те, у кого были вещи Бернса, должны были подарить их музею...

Мак-Минн стоя у нижнего шкафа, продолжал беседовать с гостями из Советского Союза. Все русские, кому доводилось бывать в Шотландии, посещают Аллоуэй. Приезжают из Москвы, из Ленинграда... А вот сибиряки приехали впервые.

Прижав книгу к груди, старик на-

изусть прочел одно из любимых стихотворений Бернса:

Настанет день и час пробыть,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.
При всем при том,
Могут вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

По соседству с усадьбой — низенькая полуразрушенная кладбищенская церковь. Висит старый колокол. Виднеются кресты и плиты. Об этом кладбище и об этой вросшей в землю церквушке Бернс писал в шутиливой стихотворной повести «Тэм О'Шентер»:

И неважно за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись отсюда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Средик эпиграмм Бернса немало «надишей на могилы». Зная скряг, твердолобых трусов, честолюбцев и дождливых, поэт заклеймил их навсегда. Возможно, это кладбище навело эпиграфю:

Под камнем сим погребены
Твой, скупец, останки.
Ты можешь в царстве сатаны
Служить хранителем казны
В его подземном банке!

Даже потомков Стоуартов, перед которыми в ту пору рабствовали очень многие, поэт не щадил:

Нет, вы — не Стоуарт, ваша честь,
Бесстрашны Стоуарты сердца.
Глушны в семействе этом есть,
Но не бывало подлеле!

У смелого и вольнолюбивого поэта, который воспевал труженников земли, бичевал пороки и высмеивал угнетателей, оказалось много врагов. Его жизнь была полна лишений. Это и укоротило ее.

В родном городке, на холме при большой дороге соотечественники, любящие народную поэзию, поставили Бернсу памятник — девять желобчатых коринфских колонн под коронообразной крышей.

Мы были рады, что во время поездки на побережье Атлантики перед нами во всей его красе открылся мир поэта, его родная земля с зелеными лугами и мягкими холмами.

А. Контелов.

Китайка и БИБЛИОГРАФИЯ

МАО ДУНЬ

Китайская литература в борьбе за национальную независимость и дело прогресса человечества

Во II веке до н. э. крупный китайский путешественник Чжан Цзянь посетил ряд стран Центральной и Западной Азии, установив культурные связи между Китаем и странами Западной Азии. Позже китайцы установили мирные дружеские отношения и культурные связи почти со всеми государствами и народами Азии и Африки. Две тысячи лет назад монахи из государств Канцзюй (находясь на территории современного Узбекистана, там, где ныне Самарканд), Юэчжи (в нынешней Туркмении, в бассейне Амударьи) и Аньси (в нынешнем Иране) впервые принесли в Китай индийский буддизм. Еще в I веке н. э. у нас были переведены на китайский язык индийские буддийские сутры. Всеми миру известны имена китайских буддийских вероучителей Фа Сяня (V в. н. э.) и Сюань Цзана (VII в. н. э.), которые совершили путешествия в Индию за буддийскими канонами. Людям этим принадлежат огромные заслуги в деле развития культурных связей между Китаем и Индией.

Сношения Китая с Египтом начались еще в VI веке до н. э., а с Японией, Кореи, Вьетнамом, Бирмой две тысячи лет тому назад. Культурные связи Китая с Индонезией, Камбоджей, Лаосом, Непалом, Цейлоном, Таиландом и с другими странами Азии и Африки возникли в период с II века до начала VII века. Благодаря этим дружеским связям, мы оказывали друг на друга взаимное влияние в области культуры и искусства, друг друга понимали и друг другу доверяли.

Прошу простить меня, что я так долго предаюсь воспоминаниям о прекрасном историческом прошлом. Ведь перед лицом этой вызывающей радость традиционной дружбы мы не можем с величайшим возмущением не вспомнить о тех общих бедствиях, которые всем нам

пришлось испытать за последнее столетие. Все мы знаем, что, начиная с XVI века, когда на Восток стала нагнетаться дьявольская тень колониализма, существовавшие между нашими странами мирные и дружеские, культурные связи начинают подрываться. Колониализм принес с собой культурную агрессию! С XVIII века многие из наших стран были принуждены принять чужую, так называемую «цивилизацию», а народы наши были оклеветаны «отсталыми». Наши собственные литературные богатства оказались выброшенными из сокровищницы мировой литературы. Колонизаторы всегда стремятся подорвать сплочение и культурные связи, существующие между народами порабожденных стран. По этой причине наша работа по переводу и взаимному ознакомлению друг друга со своими национальными сокровищами натолкнулась на препятствия. В результате, нам сегодня приходится, как новым друзьям, знакомить друг друга с историей своих литератур. Это не может не вызывать величайшей досады!

Еще в V веке до н. э. в Китае был составлен «Шинцзи» — сборник песен и гимнов, провозглашение которых восходит к XI веку до н. э. Он является древнейшим источником славных традиций китайской литературы. Лирическая поэма величайшего китайского поэта Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.) «Ли-сао» является бессмертным произведением, на протяжении вот уже более 2 тысяч лет остающимся образцом для творчества многих поколений китайских поэтов. После Цюй Юаня у нас не прекратили появлялись великие писатели и поэты, такие, как Сыма Цянь, Тао Юань-мин, Ду Фу, Ли Бо, Бо Цзюй-и, Ван Ши-фу, Гуань Хань-цин, Ши Най-ань, Ло Гуаньчжун, У Цзин-цзы, Цао Сюэ-цин и другие, которых невозможно перечислить.